

пропусках в рукописи. Произведенное мною сличение этого печатного текста с подлинником из собрания Н. С. Тихонравова показало, что ошибки в «правописании» незначительны и немногочисленны; что же касается многоточий, то они вводят читателя в заблуждение. В подлиннике верхние части некоторых листов при переплетении рукописи, произведенном, очевидно, в конце XVIII в., были срезаны и вследствие этого первая строка или исчезла вовсе или остались только нижние части ее букв, дающие возможность лишь догадываться, и то не везде, об их значении. Во всяком случае утрата текста не превышает размеров одной строки на каждой из поврежденных страниц; в некоторых же местах многоточия поставлены Сиповским ошибочно, как например на стр. 50 внизу — здесь никакого разрыва в тексте нет.

К сожалению, интересующая нас рукопись дошла до нас только в одном экземпляре. Это, видимо, не оригинал, так как в нем нет красных строк, хотя это и стихотворное произведение. Кроме того, в нескольких местах текста встречаются зачеркнутые фразы или слова, которые были поставлены переписчиком по ошибке раньше, чем следовало, и повторенные дальше на своем месте. Во всяком случае этот список не может отстоять далеко по времени от несохранившегося или неизвестного нам оригинала, к датировке которого обратимся ниже.

Торопливый почерк, экономия бумаги заставляют предполагать, что копия была снята кем-то для себя лично, а не для продажи у Спасского моста, где сосредоточивалась торговля каллиграфически переписанными произведениями тогдашней художественной литературы.

Быть может, дефектность рукописи была главной причиной того, что ей не было уделено достаточного внимания. О ней до сих пор нет ни одного специального исследования. Лишь в работах более общего характера мы находим краткие замечания об этом памятнике.⁴ А между тем он заслуживает более пристального изучения.

В нем много неясного и противоречивого. С одной стороны, архаическая форма азбучовника, знакомая русской литературе еще с XII в., и концовка в духе старой церковной морали, с другой — новые воззрения на брак и отношения между родителями и детьми. С одной стороны — грубый натурализм, свойственный литературе XVIII в., с другой — тонкое понимание психологии женщины и трогательные мотивы старинных русских песен, звучащие при описании проводов невесты и изображении разлуки с «любезным».

«Роман», по крайней мере его сохранившаяся часть, несомненно не доработан. В нем неоднократно встречаются повторения одних и тех же фраз, не вызванные стилистическими условностями, возвращения к одному и тому же эпизоду без всякого основания.

Произведение, видимо, было очень значительно по своему объему. До нас дошли только параграфы, соответствующие десяти последним буквам алфавита. Большая часть утрачена. Она должна была заключать в себе рассказ о более раннем периоде жизни героини. Несмотря на указанные выше недостатки, свидетельствующие о литературной беспомощности автора, «Роман» вызывает живой интерес благодаря новизне и смелости замысла.

Бесспорно (в этом сходятся все писавшие о «Романе в стихах»), что героиня его — дочь зажиточного московского посадского человека. В его

⁴ П. Н. Сакулин. Русская литература. Часть II. Новая литература. М., 1929, стр. 48—49; И. Н. Розанов. Стихотворство Петровского времени. — История русской литературы, т. III, ч. 1. Изд. АН СССР, М.—Л., 1941, стр. 137—138; Д. Д. Благой. История русской литературы XVIII в., изд. 3-е. М., 1955, стр. 42—43.